

ДЕСАНТ НА БОЛОТО

По данным аэрогаммасъемки на западе площади, у самой финской границы, высветились сразу несколько приличных аномалий гамма-поля. Каждую аномалию надо было заверить. Для этого в район аномалии обычно направляли вертолетный десант, состоящий из геолога и радиометриста. Они на месте устанавливали причину аномального гамма-поля. В аэропартии, с которой сотрудничал наш отряд, геологов не хватало, и нас с Михлычом отправили на заверку одной из аномалий. Меня за геолога, а Михлыча радиометристом. Для главного геофизика урановой шахты, десять лет проработавшего в уютном кабинете, ходить в маршруты радиометристом у студента было невыносимо. Но законопослушный Михлыч уважал субординацию, и возражать начальнику не стал.

Михлыч всячески старался показать мне, что это он главный в нашем маленьком отряде, и я должен беспрекословно ему подчиняться. Три дня он не давал мне присесть, заставляя несколько раз в день упаковывать маршрутную палатку, спальные мешки и котелки. Придирчиво изучая список продуктов, он каждый раз находил в нем какой-нибудь изъян. Я вовсе не обижался на Михлыча и не думал ему перечить. Может быть, его требования ко мне и были слегка завышены, но все по делу. Самое главное, что впереди – дальний маршрут в дикие места, подальше от скучного кернохранилища.

Михлыч проверил и настроил два радиометра. Кроме того, он приготовил к маршруту еще и гамма-спектрометр – прибор, который определял содержания урана, тория и калия непосредственно в породе на обнажении. Между делом Михлыч устроил мне настоящий экзамен по радиометрии. Я держался мужественно, как и подобает настоящему студенту-радиоактивщику, и ответил почти на все его вопросы. Но когда я путался или чего-то не знал, старший геофизик удивительно спокойно и без всякого злорадства мне объяснял, демонстрируя свой высокий профессионализм.

В день отлета мы с раннего утра сидели на вертолетной площадке и ждали борт. Михлыч, от нечего делать, рассказывал, как хорошо было жить и работать в Германии, какая у него была высокая зарплата, какое питание и выпивка. Это меня задело и, чтобы раззадорить Михлыча, я рассказал, что у нас на кафедре «геологии и поисков месторождений радиоактивных элементов» все студенты и сотрудники получают для профилактики «Столичную» водку, которая, как известно, очень хорошо очищает организм от радионуклидов. Сотрудникам и доцентам выдают поллитра в день, а студентам по шкалику. Поэтому от нас радиоактивщиков всегда немного отдает водкой.

– Не верите? Спросите у Ника, он вместо водки отоваривается молоком для дочки.

Михлыч не любил розыгрышей и сразу обижался. При его говорливости молчать целых пять минут было подвигом. Наконец Михлыч засопел, как бык перед атакой, и решил поразить меня своими познаниями в зоологии, которую знал в рамках средней школы. Он долго рассказывал мне про здешнюю фауну.

Ну, про животных я тоже кое-что знал.

– Заметили? – я показал рукой на чайку, пролетевшую мимо.

– Нет, а что такое? – забеспокоился Михлыч.

– Чайка в лапах яйцо понесла.

– Куда понесла? – не понял Михлыч.

«Ну, просто ребенок, а не сорокалетний мужик, – подумал я с грустью, даже разыгрывать не интересно», – а в слух пояснил:

– Когда вода затапливает гнезда на островах, чайки берут в лапы яйцо и переносят его на сухое место. Поняли?

– А... – разочарованно протянул Михлыч, что означало: «Подумаешь, новость, я и так это знал».

– А отчего у слонов глаза красные, знаете?

Михлыч опешил. На лице его было написано, что он силится вспомнить, какие у слонов глаза. Может действительно красные?

– Ну, почему? – переспросил Михлыч с такой интонацией в голосе, будто уж он-то отлично знает, отчего у слонов красные глаза, и только хочет проверить меня.

– Для того чтобы в помидорах было удобнее прятаться.

Михлыч понял, что его снова провели, и с чайкой тоже.

– Анатолий, что у тебя за натура, почему ты все время обманываешь?

– Василий Михайлович, в юриспруденции обман это когда один субъект, пользуясь незнанием другого субъекта, наносит ему ущерб. А то, что я делаю – это розыгрыш, на потеху всем.

Вертолет задерживался, и мы отправились прогуляться к озеру.

– Мужики, далеко не уходите, – крикнул нам вдогонку радист, – ваш рейс первый, вертушка ждать не будет.

Только мы подошли к берегу озера, как из-за леса показался вертолет. Он заложил поворот и совершил посадку. Мы бегом рванули к своим вещам и под работающим винтом загрузились. Машина взлетела и, развернувшись над озером, легла на западный курс.

Через сорок минут полета мы были в районе назначения. Поблизости от аэрогаммааномалии места для посадки не нашлось, кругом стояли деревья. Наше полетное время истекало. Михлыч принял решение десантироваться на болото в трех километрах к северу от аномалии. Вертолет завис над сухим с виду участком небольшого болота на высоте трех метров. Винты с ревом рубили воздух. Первым надо было прыгать мне. Засунув гильзу радиометра за нагрудные ремни пульта управления, словно десантник автомат, я смело шагнул в открытую дверь. Приземление вышло более чем мягким. Ноги легко пробили моховой слой болота, и я провалился по самое горло в вонючую трясину. Болотные упыри дружно схватили меня за ноги и потащили вниз. Я сразу глотнул добрую порцию грязи и не мог орать. От смерти меня отделяли секунды. Штурман среагировал четко и бросил мне веревочную лестницу. Мои пальцы мертвой хваткой вцепились в деревянную перекладину. Вертолет медленно поднялся и вытащил из болотной жижи грязного покорителя недр. Трясина утробно чавкнула, с сожалением отпуская свою законную добычу.

Вертолет оттащил меня в сторону и опустил на клочок сухого болота. По веревочной лестнице быстро спустился Михлыч, а штурман выбросил на землю спальные мешки, палатку и продукты. На веревке осторожно спустили гамма-спектрометр. Михлыч попытался освободить лестницу и разжать мои пальцы, намертво сведенные судорогой.

– Режь! – крикнул штурман.

Михлыч полоснул по веревкам острым охотничьим ножом, и деревянная перекладина лесенки осталась у меня в руках.

Вертолет ушел вверх и скрылся за лесом. В первые минуты после надсадного рева мотора тишина над болотом казалась звенящей. Но звон

был вполне реальный. К нам со всей округи летело великое множество комаров.

Михлыч прикурил сигарету и протянул мне. Я машинально спрятал ступеньку лестницы в рюкзак, вытер грязную ладонь о болотную траву и взял сигарету. Руки у меня дрожали. Михлыч снял с меня радиометр, очистил от грязи и проверил. Прибор даже после купания работал нормально.

Пока я стирал в болотной луже грязную одежду, Михлыч над костром высушил мои сапоги и портянки. Энцефалитку и брюки мы насухо отжали вдвоем. Влажная одежда приятно холодила тело. Я был готов к маршруту.

Михлыч разложил на траве карту. Штурман успел поставить на ней точку нашей высадки. До аэрогаммааномалии было километра четыре к югу. Как раз на пути лежало небольшое озеро Мусталампи – черное озеро в переводе с финского. В Карелии названия всех мелких озер имели ласковое окончание «лампи». Местные называли их ламбушками. Решили встать лагерем на берегу этого озера.

Навьючили на себя тяжелые рюкзаки и двинулись в путь по краю болота. Михлыч шел легко и в хорошем темпе. Вот тебе и кабинетный работник, десять лет просидевший в кресле главного геофизика урановой шахты. Я был почти уверен, что Михлыч сломается в начале маршрута, но он оказался вынослив, как лось. Через два километра пути по старому заросшему болоту я выдохся, а Михлыч шел легко, будто на танцы, перепрыгивая через поваленные деревья. Кстати, я убедился на собственном опыте, что прыгать в лесу никогда не следует. В тайге на Дальнем Востоке, когда я перепрыгивал через поваленное дерево, моя левая нога, в момент толчка, провалилась в яму, а правая уже была занесена над деревом. Обломанный сучок распорол икру моей правой ноги, и я упал в нелепой позе, оглашая тайгу истошными воплями.

Вот уж не думал, что, имея хорошую спортивную подготовку, первый разряд по боксу и три полевых сезона в активе, я, задыхаясь, буду плестись за кабинетным работником. Темп, который взял Михлыч и на удивление долго выдерживал, мне оказался едва по силам. А я был уверен, что сделаю геофизика на любой дистанции. И вдруг опозорился на первом километре. Я просто возненавидел потную спину Михлыча, мелькающую впереди.

Два года назад в первой экспедиции на Памире я отставал в маршруте от геологов, и это меня несколько не расстраивало. Правда, к концу сезона я вошел в форму, привык к высоте, и уже никому не уступал на подъеме. А после тяжелых дальневосточных маршрутов во мне пробудилось какое-то геологическое честолюбие. Я почувствовал себя настоящим Геологом и в смысле знаний и в физической подготовке. И вдруг Михлыч загнал меня за час маршрута.

Подлесок вдоль края болота просто кишел гнусом. Комары и мошка, собравшиеся со всей округи, визжали от восторга. Не каждый день на обед попадают сразу два вкусных геолога. В одной руке я нес ружье в другой ящик с прибором и не мог отгонять наседавший гнус. Накмарник тоже не наденешь, он затруднял дыхание и прилипал к потному лицу. Диметилфталатом мазаться бесполезно – он только щипал кожу и быстро стекал вместе с потом. Оставалось одно – терпеть.

«Не послушался отца, а он предлагал тебе работу на заводе: в холодке, ни жары, ни комаров», – ворчал мой первый внутренний голос.

«Никогда не слушай этого ленивца, – вступился за меня второй внутренний голос, – жить – значит идти в гору. И не отставать!»

Я напрягся и догнал Михлыча, опередившего меня на полсотни метров.

Наконец, через полтора часа изнурительного движения по болоту мы остановились на берегу небольшого озера. Пот лил с меня градом, а у Михлыча на лице была всего лишь легкая испарина. Для начала закурили. До чего же приятно сбросить на траву тяжеленный рюкзак и завалиться на спину. Меня не пугало даже обилие в траве энцефалитных клещей.

Живописная ламбушка вытянулась между крутых, заросших ельником холмов. Но берега оказались болотистыми, так что с трудом можно было добраться до воды, казавшейся коричневой из-за обилия гуминовых кислот.

Михлыч затушил окурок, показывая, что перекур окончен. Я залез на сосну и закрепил конец наклонной антенны коротковолновой радиостанции «Геолог». Антенну следовало ориентировать по азимуту точно на базу. И хотя дальность связи не могла превышать тридцати километров, иногда, удавалось вести переговоры и на большее расстояние. До связи было еще два часа, и Михлыч принялся устанавливать маршрутную палатку. Я хотел ему помочь, но тут же получил задание приготовить обед.

Ставить палатки Михлыч не умел и, наверное, проклинал себя за то, что взялся не за свое дело. Но и отступать перед студентом геофизику было неудобно. Михлыч сопел, мял в руках брезент и пытался вспомнить, как это надо делать. Но, как говорят студенты, самый печальный случай, это «когда не знал, да еще и забыл». Наша новая маршрутная палатка была сшита криво и косо и, согласно ярлыку, произведена в артели инвалидов, которые, вероятно, были слепые. Как ни натягивай растяжки, крыша все равно морщила. Михлыч злился, спиной чувствуя мои взгляды. Наконец он сдался.

– Анатолий, установи палатку, а я принесу дрова для костра.

Эту палатку я мог установить даже с закрытыми глазами. Геофизик отправился за дровами и притащил мокрую березу. Пришлось тактично объяснить ему, что сырые дрова гореть не будут.

– Нужна засохшая ель, у которой в нижней части ствола нет коры.

– При чем тут кора? – буркнул Михлыч, недовольный тем, что оплошал с установкой палатки и с дровами, и теперь его поучает студент.

– Если на засохшем дереве сохранилась кора в нижней части ствола, то влага из почвы поднимается вверх по коре и такое дерево либо уже гнилое, либо еще сырое. А когда коры нет, то ствол просмаливается и образуется так называемое «чайное дерево», которое от удара гудит, как гитара, – пояснил я.

Михлыч отправился вдоль берега озера, и я издали наблюдал, как он повалил сухостой с корой и сам убедился, что для костра такое дерево не годится. Через несколько минут Михлыч притащил отличную сухостоину, и тут же принялся яростно рубить дерево поперек своим топориком с резиновой ручкой.

– Давайте распилим, – предложил я свои услуги, закончив с палаткой.

У меня с собой была отличная самодельная лучковая пила, заточенная под «волчий зуб».

– Организуй костер и приготовь обед, – приказал Михлыч, продолжая лупить топориком по бревну.

Разводить костер – мое любимое занятие. Тут я достиг совершенства. В кармане моего рюкзака лежали несколько запальных трубок собственного изобретения – берестяной свиток, заполненный внутри тонкими, как луковая шелуха, листочками отслоившейся бересты. В торцы запальной трубки между витками бересты вставлялись две вощенные ветровые спички. Трубка,

в свою очередь, запаивалась в полиэтиленовую пленку. Достаточно было разорвать полиэтилен упаковки и чиркнуть об спичечный коробок головкой ветровой спички. Пламя сразу разгоралось внутри трубки, и даже проливной дождь не в силах был погасить огонь. Запальные трубки очень выручали, если костер приходилось разводить где-нибудь в сосняке или ельнике, когда на километр вокруг не было ни одной березы. В принципе, трубку легко изготовить непосредственно в лесу, но я заготавливал их заранее. Растопку для костра приготовить еще проще. Нижние засохшие сучья у ели, если они без коры, остаются сухими даже во время затяжного проливного дождя и ломаются со звуком, напоминающим выстрел. С такой растопкой можно развести костер в любую непогоду за пару минут.

У ближайшей ели я наломал сучья для растопки, подложил под них горящую запальную трубку и огонь быстро разгорелся между двумя валунами. Михлыч был потрясен такой скоростью. Он лишь успел заметить, как я наклонился к камню и сразу запылал костер.

– Ты прямо как Змей Горыныч, разжигаешь костер одним дыханием. И для чего же я рублю? – геофизик мельком взглянул на свои ладони, без сомнения уже украшенные водяными мозолями от резиновой ручки топорика.

– На сучках можно быстро чай вскипятить в маршруте или суп из пакетиков приготовить, – я пристроил над огнем котелок с водой, – а в лагере всегда должны быть хорошие дрова: и обед приготовить, и обсушиться, и у костра вечером посидеть.

Через десять минут Михлыч принес два полена, заостренные с двух концов, будто их заготавливал бобер, перегрызая бревно.

– Жалко такую красоту палить, – съехидничал я, принимая поленья, – столько труда вложено.

Когда закипела вода, я растворил в кружках бульонные кубики, в оставшемся кипятке заварил чай и сделал два «геологических» бутерброда – большие ломти черного хлеба, намазанные с горкой свиной тушенкой.

– Пятнадцать минут на отдых и сборы, – скомандовал Михлыч начальственным голосом, – в маршрут берем два радиометра.

– Есть!

– И все топокарты будут у меня, – вдруг заявил Михлыч, – у тебя допуск нет!

– Как же нет? – я даже обиделся. – Есть допуск!

– Знаем мы, какой у студентов допуск, – самодовольно усмехнулся Михлыч с таким видом, будто только у него одного и может быть настоящий допуск.

– Тогда сами ведите маршрут и ориентируйтесь!

– Включить приборы! – скомандовал Михлыч.

Я включил радиометр и проверил уровень питания. Контрольный пункт Михлыч выбрал на нижних ветках ели и пристроил туда гильзу своего прибора. Мы по очереди произвели контрольные замеры: с радиоактивным эталоном и без него – и записали результаты в журнал радиометрических наблюдений.

– Надеть головные телефоны! – разошелся Михлыч. – Направление движения – азимут северо-запад 320 градусов, дистанция пятьдесят метров. Вперед!

Командирские замашки старшего геофизика стали меня понемногу раздражать. Так он скоро в маршруте станет командовать: «левой, левой».

Михлыч бодро двинулся вперед. Я шел параллельным ходом в пятидесяти метрах севернее.

– Прослушивать на головной телефон, – крикнул Михлыч, упиваясь ролью боевого командира.

В наушнике радиометра слышался легкий шум и треск, который заметно усиливался, если гильзу с датчиком поднести к радиоактивному эталону.

Но одного командного голоса оказалось мало. Старший геофизик понятия не имел о том, как следует вести маршрут в глухом лесу без ориентиров. Надо было сверяться с компасом и считать шаги, чтобы знать пройденное расстояние. Конечно, мы забурились в какую-то чащу и вскоре подошли к окраине болота. Впереди, на многие километры простиралось топь.

– М... да! – с досадой изрек Михлыч, разглядывая карту. На планшете такого болота не было

Мой первый внутренний голос тут же отругал меня за то, что я не считал шаги, а понадеялся на Михлыча. Геофизик краснел, сопел, чертыхался, пытаясь определить наше местоположение. Я, как и подобает студенту, не имеющего нормального допуска к секретным материалам, молчал и демонстративно отвернулся от карты, в углу которой стоял штамп: «СЕКРЕТНО».

– Анатолий, как ты думаешь, где мы находимся? – наконец сдался Михлыч и протянул мне топографическую карту.

Я взглянул на топопланшет с таким видом, будто знаю, где мы находились, но пока воздерживаюсь от замечаний.

– Может здесь? – Михлыч наугад ткнул пальцем в такое место на карте, где даже болота не было.

– Скорее всего, мы вышли за границу топографического листа.

Михлыч достал сигареты и закурил. Ему надо было принимать решение.

– Идем вдоль болота, – решительно заявил старший геофизик и взял новый азимут. Через полтора часа хода вдоль болота мы неожиданно вышли прямо к контрольно-следовой полосе. Вдоль забора из колючей проволоки шла дозорная тропа. Михлыч подошел к полосе ближе и, видимо, задел сигнальную танталовую проволоку. Я знал, что на заставе немедленно подняли тревогу и по радиации передали сигнал ближайшему пограничному наряду.

– Теперь нам лучше оставаться на месте, – предупредил я Михлыча, – сейчас прибежит наряд.

И действительно, через несколько минут мы увидели, что по дозорной тропе к нам бегут двое пограничников с собакой. Крупная, как полярный волк, немецкая овчарка мчалась к нам большими прыжками и буквально тащила своего хилого проводника, который был озабочен только тем, чтобы не упасть и не волочиться за собакой лежа. Поводок у овчарки был метров десять, и Михлыч быстро сообразил, что собака первая до нас добежит. Старший геофизик позорно бросил радиометр и шустро влез на березу, которая дугой изогнулась от его веса. Деревьев поблизости больше не было, и я поднял вверх молоток, показывая наряду, что мы просто геологи.

– Ну, куда ты прешь? – не выдержав, крикнул я проводнику-сержанту, который безуспешно пытался достать из кобуры автоматический пистолет системы Стечкина. – Укороти поводок!

До проводника, наконец, дошло, что собака добежит до нас первой. Он захлестнул поводок за ствол дерева. Пес резко остановился и разразился хриплым,

но грозным лаем. Сержант, наконец-то, достал пистолет и установил предохранитель на автоматическое ведение огня. К нему подбежал ефрейтор – младший наряда – небольшого роста киргиз. Он так запыхался, что ствол автомата в его руках выписывал замысловатые кренделя.

– А ты, боец, поставь затвор на предохранитель и убери палец со спускового крючка, – посоветовал я ефрейтору.

– Стой! Кто идет? – наконец справившись с дыханием, крикнул проводник.

– Ты разве не видишь, что никто никуда не идет? Мы просто геологи. Сбились в маршруте.

У сержанта на боку хрипела включенная радиостанция. Он вспомнил о ней и доложил на заставу:

– Задержали двух нарушителей, говорят, что геологи, заблудились.

Выслушав ответ, проводник выкрикнул: – Есть! – и спросил нас: – Ваши фамилии?

– Моя Белов, его Ефременко.

– Задержаны Белов и Ефременко, – доложил пограничник на заставу.

Радиостанция долго хрипела, разъясняя старшему наряда его дальнейшие действия. Наконец, он отключил прием и спокойно приказал:

– Предъявите документы!

Я достал из кармана энцефалитки паспорт и командировочное удостоверение с разрешением в погранзону. Обернулся к Михлычу и обнаружил, что он не может слезть с березы. Дерево так сильно наклонилось, что геофизик уже висел спиной вниз, прочно зацепившись штаниной энцефалитных брюк за сук. Он не мог отпустить руки и прыгнуть вниз, так как мог удариться спиной. Я собрался помочь Михлычу слезть, но проводник меня предупредил:

– Пускай висит, неси документы.

Михлыч освободил одну руку, достал из кармана паспорт и бросил его мне. Я передал документы ефрейтору, который тут же вернулся к старшему наряда. Пограничники внимательно изучили наши документы. Сержант включил радиостанцию и передал на заставу наши данные. Через несколько минут переговоров по рации мне вернули документы. Вместе с младшим наряда мы помогли Михлычу слезть с дерева.

– Закуривайте! – предложил я ребятам.

Михлыч тоже достал сигареты.

– Корд! Сидеть! – приказал сержант овчарке и, убрав пистолет в кобуру, подошел к нам. Закурили и познакомились.

Старший наряда оказался ленинградцем, и даже поступал в университет на биофак, но не прошел по конкурсу. Ефрейтор был родом с Памира и рассказал, как перед армией работал с геологами. Он чем-то напомнил мне Кадыра из Мургаба – нашего повара в памирской экспедиции.

Ребята объяснили нам, где мы находимся. Оказалось, что мы отклонились на четыре километра к западу от линии маршрута. На прощанье Михлыч отдал ребятам целую пачку сигарет.

– А ловко вы залезли на дерево. Гены – великая вещь! – заметил я Михлычу, не сдержавшись от похвалы.

Но геофизик лишь свирепо взглянул на меня и взял новый азимут. Теперь я его незаметно проверял по солнцу и считал шаги.

В районе гаммааномалии местность была холмистая. Длинные ледниково-моренные гряды – озы отложения рек, которые текли по поверхности древнего ледника, заросли редкими соснами. Судя по карте,

гаммааномалия должна была располагаться в болоте между грядами. Но в обозначенной точке гаммаактивность не превышала фон.

– Не волнуйтесь, найдем, – успокоил я геофизика, – эта точка поставлена на карту с точностью плюс – минус трамвайная остановка.

– Надо прочесать местность в районе гаммааномалии параллельными ходами с двумя включенными радиометрами, – сообразил Михлыч.

– Давайте от этого валуна строго на север проложим магистраль, и от нее будем ходить в разные стороны широтными профилями, – предложил я.

– Соображаешь! – одобрил Михлыч. – А как проложить магистраль?

– Возьмем азимут 0 градусов и через пятьдесят метров повесим на кустах пронумерованные бумажки.

Я быстро повесил магистраль, а Михлыч сделал ход на восток от нулевого пикета.

Через каждые сто метров мы останавливались, снимали показания радиометра и записывали их в журнал.

Несколько часов мы отрабатывали отмеченный на карте участок, но значения гамма-активности были в пределах фона. Аномалия как сквозь землю провалилась, и не было выходов коренных пород.

– На сегодня хватит, возвращаемся в лагерь, – Михлыч был явно расстроен.

– Завтра обязательно найдем! – я выключил прибор.

– Прибор не выключать до снятия контрольного замера, – одернул меня Михлыч.

Я снова включил прибор.

К лагерю мы подошли как раз ко времени связи. Михлыч без всякого результата посылал в эфир сообщение: «елка один, елка один, здесь елка два, здесь елка два, как слышите меня, прием?». Рация на приеме шипела, хрипела и не было намека на человеческий голос.

На костре я приготовил ужин – рисовую кашу со сгущенным молоком и заварил чай. Вечером при свете костра Михлыч вычертил на миллиметровке магистраль и профили. Я продиктовал ему значения гамма-поля из радиометрических журналов. Геофизик соединил изолиниями одинаковые значения и получилась карта гамма-поля.

– Любая работа должна быть закончена и оформлена, – назидательно заявил Михлыч и отправился в палатку спать.

Я остался сидеть у костра глядеть на небо. Вдоль Млечного пути раскинулось созвездие Лебедя, как будто гигантская звездная птица летит через нашу галактику дальше в космос. Бесконечность Вселенной всегда будоражила мое воображение. Только в нашей галактике сто миллиардов звезд. А уже известно сто миллиардов галактик. С ума можно сойти! Сложив голову на колени, я незаметно уснул. Разбудили меня озверевшие комары. В палатке раскатисто храпел Михлыч.

«Мало комаров, так еще и храпом наслаждайся», – как всегда недовольно бубнил первый внутренний голос.

Не спать же у костра. Я залез в палатку и, используя рыболовные крючки, развесил марлевый полог. Устроившись в теплом спальном мешке, я громко кашлянул в самое ухо геофизика. Михлыч дернулся и перестал храпеть. Прежде чем он опять завел свои рулады, Морфей принял меня в свои объятия.

Утром я приготовил на завтрак макароны с говяжьей тушенкой и острой чесночной подливкой. Михлыч вылез из палатки, умылся и вдруг достал из своего рюкзака целлофановый пакет кофе «арабика». Вот это был

сюрприз! Этот кофе я обожаю. Тщательно вымыв пустую банку из-под тушенки, я превратил ее в джезву и сварил кофе по-восточному. После кофе Михлыч угостил меня сигаретой с фильтром.

В маршрут взяли оба радиометра. Полдня обследовали район гамма-аномалии. Небольшие болота разделяли моренные озовые гряды. Фон гамма-поля был в норме, никаких следов аномалии.

Перед обедом, на краю одного из болот, мы встретили первое обнажение. Из трясины, словно хребет динозавра, поднимался зазубренный каменный гребень. Радиоактивность пород превышала фон раза в полтора. Это обычно для гранитов, гаммаактивность которых связана преимущественно с распадом радиоактивного изотопа калия.

Я отбил несколько образцов породы и сел на валежину записать маршрут в дневник.

– Похоже на эпидот – с умным видом заметил Михлыч, внимательно рассматривая отбитый мной образец гранитогнейса.

Меня так и подмывало сказать ему, чтобы он лучше занялся измерениями, а не совал нос в чужие дела.

– Где? – недовольно переспросил я.

– Вот, блестит.

– Это слюда биотит.

Моя уверенность разозлила Михлыча.

– А, я... думаю, – Михлыч повысил голос, делая ударение на слово «я», – это эпидот.

– Эпидот, – я ненавязчиво сделал ударение на первой букве, – он зелёнький, а биотит черный.

Михлыч внимательно рассмотрел образец поверх очков и упрямо заявил:

– Зеленым отсвечивает!

– Это биотит, – я понял, что дальше спорить бесполезно.

– Анатолий, – официальным тоном произнес Михлыч, – ты запиши в своей пикетажке «эпидотовый гранит» – закончил он с ударением на первую букву в слове.

Я понял, что вопрос принципиальный и Михлыч решил для пробы на меня наехать.

– У вас, Василий Михайлович, есть свой дневник радиометрических наблюдений, в который вы должны записывать измерения, вот там и напишите: «эпидотовый гранит», если не боитесь схлопотать двойку на приёмке полевых материалов. В своем дневнике я буду писать только то, что вижу и знаю.

Михлыч замолчал, и больше ко мне с советами не приставал.

Мы продолжили работу. Солнце палило вовсю. Комары озверели и, как японские камикадзе, пытались жалить прямо слету. Мошка забиралась под резинки на руках энцефалитки и разъедала кожу так, что на запястьях образовывались «кровавые браслеты». Болота казались бесконечными. Ручьи, густо заросшие по берегам кустарником, не всегда удавалось перепрыгнуть, и я ножом вырубал жерди для переправы. Мы взбирались на крутые холмы, образованные валунно-галечными ледниковыми отложениями. Десять тысяч лет назад двухкилометровая толща ледника ползла к югу и толкала перед собой передовую морену. По ледяной поверхности текли реки и впадали в озера. На дне этих озер и скопились валуны, галька и песок. Когда ледник растаял, то озерные отложения – камы, вывернулись на изнанку и образовали эти горы.

Наконец, снова коренные выходы пород – скала метров десять высотой, сложенная гранитом. Михлыч с радиометром направился вдоль обрыва измерять гамма-активность пород.

– Здесь уже тридцать четыре микрорентгена, – сообщил он, – а это что такое? – воскликнул Михлыч, и я впервые услышал в голосе старшего геофизика искреннее удивление, а не самодовольное утверждение. – Иди сюда, посмотри.

Я нехотя встал и подошел к стене. В гранитном уступе зияло круглое отверстие около двух сантиметров в диаметре. И ему было ясно, что оно искусственного происхождения. Скорее всего, это был долбленный вручную шпур – отверстие, в которое закладывали дымный порох. Наверное, когда-то здесь пробовали разрабатывать блочный камень.

Михлыч поверх очков внимательно разглядывал отверстие и находился в явном недоумении.

– Камнеедка! – экспромтом соврал я. – Литофагус Виригус Примегениус.

Михлыч замер, пытаясь вспомнить, что он слышал о камнеедках и, так как молчать дальше было уже неудобно, не очень уверенно и разочарованно протянул:

– А... а... а, – всем своим видом давая понять, что он, конечно же, знал, как образуются такие дырки в камнях, но... просто забыл.

Я даже не ожидал, что так легко куплю эрудированного геофизика.

– Литос – камень, фагус – пожиратель, виригус – зеленый, примегениус – обыкновенный, – пояснил я. – В сущности, мы все литофагусы.

– Не знаю, как ты, а я камни не ем, – вдруг обиделся Михлыч, которому показалось оскорбительным называться «пожирателем камней», – я «хомо сапиенс».

– Камennую соль едите? Значит и вы литофагус, только сапиенс.

Откуда тут камнеедки? – несмотря на обиду, любознательность не покинула старшего геофизика.

«От верблюда», – ехидно ответил мой второй внутренний голос, а вслух я сказал:

– Эндемики, здесь проходит южная граница ареала их распространения.

Михлыч обожал научные термины и, движимый неукротимой жаждой познания, попытался засунуть в отверстие палец с целью установить его глубину.

– Осторожно, – предупредил я, – если там самка с детенышами, то палец как бритвой отхватит.

Михлыч испуганно отдернул руку.

Я сел на поваленный ветром ствол и с невозмутимым видом принялся записывать маршрут в дневник. Михлыч присел рядом и, с целью разузнать про таинственную камнеедку, угостил меня сигаретой.

– Конечно, им тут жарко, – авторитетно заявил он, имея в виду, камнеедок, – на севере куда прохладнее.

Я кивнул в знак согласия, что на севере действительно прохладнее, и мысленно похвалил старшего геофизика за удачный первый ход.

– Может, выкурим их дымом для смеха? – предложил Михлыч с явной целью поднять свой авторитет.

– Попробуйте, – я даже не поднял головы, – только учтите, у самки на хвосте снизу роговой шип, острый как бритва, так что если по лицу пробежит, то след останется как от удара саблей.

Михлыч со страхом оглянулся на отверстие.

– Да ну их, просто хотелось посмотреть какого они цвета, – и добавил, – тут на самом юге.

– На севере бурые, а ближе к югу зелененькие и рожки у самцов тупые, а у самок немного длиннее хвост. Цвет меняют как хамелеоны – когда на камне сидят, ни за что не рассмотреть, совершенно сливаются, а уж бегают, как молния – даже глазом не уследить.

– Ну, и зверье здесь водится, – Михлыч закурил вторую сигарету.

– Это еще что, – я убрал пикетажку в полевую сумку, – а слышали про местное животное, у которого один рог и один глаз?

Михлыч призвал на помощь всю свою эрудицию, но так и не вспомнил, что это за чудовище. Подозреваю, что на языке у него вертелось слово «единорог».

– Ну? – не выдержал он.

– Корова!

– А почему один рог и один глаз? Дефективная что ли?

– Просто она из-за угла выглядывает.

Михлыч понял, что и с камнеедкой его надули, разолился и замолчал. Я вдруг сообразил, что переборщил со своими дурацкими шутками и серьезно обидел человека. Надо было исправлять положение.

– Василий Михайлович, вы извините, но я ничего не мог с собой поделывать. Такая у меня натура. Как у скорпиона, который попросил быка перевезти его через бурную реку.

Михлыч ничего не ответил и, отвернувшись, курил.

«Ты ужалишь меня посередине реки, и я утону», – ответил бык скорпиону,

«Зачем же я буду пускать в ход жоло? – удивился скорпион. – Тогда и я утону. Перевези, будь другом!»

Согласился бык и повез скорпиона. На середине реки скорпион все-таки ужалил быка в спину.

«Что ж ты сделал, идиот! – воскликнул бык. – Теперь мы вместе утонем!»

«Ничего не смог с собой поделывать, – ответил скорпион с грустью, – такая у меня натура!»

Михлыч даже не улыбнулся. Кремень, а не человек!

– Ты родился под созвездием Скорпиона? – вдруг сообразил он.

– Я лев и сын льва! – с гордостью ответил я. – Наша звезда голубой Регул.

– Тогда ты самый шкодливый из всех львов, – вдруг заключил Михлыч.

На другой день в середине маршрута мы вышли к небольшому озеру. Собрались перекусить. Я достал маршрутный телескопический спиннинг и тяжелый «Норич» полетел к камышам. Щука схватила блесну сразу, как будто давно ее ожидала. Без особой борьбы я вытащил рыбку килограмма на два. За десять минут попались еще одна небольшая щука. Для ухи на двух человек это было более чем достаточно. Почистив рыбу, я сварил уху.

Пока Михлыч курил, я от нечего делать снова кинул блесну к камышам, и ее схватила щука килограммов на пять.

– Хороша, – Михлыч с интересом рассматривал зубастую хищную рыбку, – Анатолий, отпусти ее. Зачем таскать до вечера лишние пять килограммов. А в нашем озере рыбы и так завались.

Я отпустил щуку. Она стремительно рванулась в глубину, но неожиданно остановилась и замерла едва видимая через толщу воды.

Интересно, схватит она блесну ещё раз? Я провел блесну в метре от рыбины. Щука развернулась и в стремительном броске схватила блесну. Через секунду она высоко прыгала в траве. Блесна за неё даже не зацепилась.

Я снова отпустил щуку. Наглотавшись воздуха, она едва сохраняла равновесие и, отплыв от берега, понемногу завалилась на бок. Я снова провел блесну под носом у рыбы, и опять она жадно схватила приманку.

– Хватит издеваться над животным, пошли! – рассердился Михлыч.

Выпущенная на свободу щука боком уплыла в глубину.

Лишь на третий день мы нашли гамманомалию. По самому краю болота тянулась цепочка отшлифованных ледником гладких гранитных лбов. На фоне розовато-серых гранитов отчетливо выделялась темно-серая полоса метровой ширины. Около нее даже мне было слышно, как трещит в наушниках у Михлыча. Он переключил радиометр на вторую шкалу, где можно было измерять более высокий уровень радиации, потом на третью шкалу.

– Триста, – бодро крикнул Михлыч, приблизив гильзу радиометра к зеленовато-желтому пятну, отчетливой кляксой выделявшемуся в центре черной полосы. Под лупой я установил, что порода была почти нацело сложена мелкими чешуйками биотита, а зеленые пятна урановыми охрами – вторичными окислами урана.

Мы проследили темную радиоактивную полосу среди гранитогнейсов на пятьдесят метров. Составили план участка, повесили магистраль и профили. Я понял, что тут можно собрать отличный материал на дипломную работу. Михлыч воодушевился и распорядился, словно командир батальона, и приказал мне составить геологическую схему участка, как будто я не за этим сюда прилетел. Михлыч смотался в лагерь и притащил гамма-спектрометр. Работали до сумерек. Я набрал столько образцов и проб, что еле тащил рюкзак.

За пару дней работа была закончена. Еще два дня расчищали площадку на заросшем болоте. Первый раз вертолет прошел мимо и Михлыч дал ракету, а я зажег фальшфейер. Машина подлетела к нам и зависла над болотом на полуметровой высоте. Быстро погрузились. Вертолет взлетел.

– Верни ступеньку от лестницы, – прокричал мне в ухо штурман.

Я отрицательно замотал головой и прокричал в ответ:

– Это мне на память!